

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

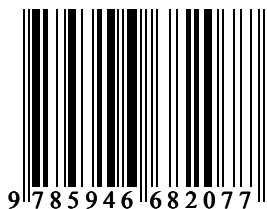
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ОЛЕГ ПРОСКУРИН

ИЗ НАСЛЕДИЯ ВИНОКУРА-ПУШКИНИСТА

Без работ выдающегося филолога Григория Осиповича Винокура (1896—1947) невозможно представить себе историю пушкинистики. Его наследие и сейчас живо и актуально: так, комментарий к 7-му тому новейшего Полного собрания сочинений Пушкина в значительной степени построен на «диалоге» с работами Винокура 1930-х гг.¹

В 1942 г. Винокур защитил в качестве докторской диссертации монографию «Очерки текстологии и языка Пушкина», подводящую итоги его пушкиноведческих штудий 30-х — начала 40-х гг. В этом *филологическом* (на таком определении настаивал сам автор) исследовании оказались блистательно соединены компетенции Винокура как текстолога, лингвиста, стиховеда и историка литературы. В архиве Винокура сохранилось содержание книги:

Предисловие.

1. Текст и история создания «Бахчисарайского фонтана».
2. Текст и история создания «Цыганов». (С прибавлением статьи «Монолог Алеко»).
3. Текст и история создания «Бориса Годунова». (С прибавлением статьи «Кто был цензором «Бориса Годунова»).
4. Язык «Бориса Годунова».
5. Слово и стих в «Евгении Онегине».
6. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина.

Приложения.

Транскрипции рукописей «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов», «Бориса Годунова» и их текстологические принципы.²

¹ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7, по указателю.

² РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, № 64.

Осуществленные Винокуром транскрипции рукописей легли в основание критических изданий двух поэм и «Бориса Годунова» в большом академическом (юбилейном) Полном собрании сочинений Пушкина, а почти все разделы диссертации были напечатаны при жизни Винокура в виде статей и комментариев. После кончины исследователя большинство из них не раз переиздавалось вплоть до конца XX века.³ На этом фоне бросается в глаза одна заметная лакуна: разделы, посвященные тексту и истории создания «Бахчисарайского фонтана» и «Цыганов», до нас не дошли. Как известно, в 1930-х гг. Винокур принял самое активное участие в подготовке собраний сочинений Пушкина — сначала для издательства «Academia», а потом для академического Полного собрания сочинений. Для последнего Винокур подготовил текст «Бориса Годунова» и двух южных поэм. Его обширный комментарий к «Борису Годунову» вошел в «пробный» седьмой том академического Полного собрания сочинений (1935). Том этот по разным причинам не удовлетворил высшие партийно-государственные инстанции, в результате чего вся концепция Полного собрания сочинений была радикально пересмотрена: издание стало выходить вовсе без комментариев, лишь с небольшими текстологическими справками. Пробный том остался в своем роде уникальным и превратился в библиографическую редкость.

Вполне завершенные комментарии Винокура к подготовленным им поэмам остались неопубликованными. В сопроводительной статье к недавнему сборнику пушкиноведческих работ Винокура Р. М. Цейтлин упоминает «шесть авторских листов комментария к “Бахчисарайскому фонтану” и три листа комментария к “Цыганам”».⁴ Где сейчас эти комментарии — неизвестно. В архиве Винокура в РГАЛИ сохранились только транскрипции черновиков обеих поэм, подготовительные выписки из разных источников (например, из поэм Боброва), разрозненные фрагменты текстологической части комментария к «Бахчисарайскому фонтану» (причем, судя по ряду признаков, относящиеся к разным стадиям работы) и букваль-

³ См., например, сборники трудов Винокура: Избранные работы по русскому языку (М., 1959); Филологические исследования (М., 1990; в этом издании самостоятельный интерес представляют содержательные комментарии М. И. Шапира); О языке художественной литературы (М., 1991); Собрание трудов: Статьи о Пушкине (М., 1999); Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина (М., 1999) и др. Некоторые из этих сборников ныне доступны в электронном формате. См.: <http://danefae.org/lib/vinokur/#3>

⁴ Цейтлин Р. М. Г. О. Винокур — пушкинист // Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 240.

но клочки комментария к «Цыганам». На одной из сохранившихся машинописных страниц с фрагментом историко-литературного комментария к «Бахчисарайскому фонтану» проставлен порядковый номер 97; это дает некоторое представление об объеме утраченного труда.

О структуре комментариев можно судить по сохранившемуся в бумагах Винокура плану доклада о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (доклад сделан на заседании Пушкинской комиссии в Ленинграде 14 марта 1936 г.).⁵ Некоторые идеи, впервые изложенные в этих комментариях, нашли отражение в переписке Винокура с другим выдающимся пушкинистом — Б. В. Томашевским (эта переписка охватывает промежуток с конца 1920-х гг. до 1946 г. и представляет значительный культурно-исторический интерес). Так, 30 декабря 1940 г. Винокур в ответ на несохранившееся письмо Томашевского (в котором тот, судя по всему, делился с корреспондентом своими соображениями об истории текста «Бахчисарайского фонтана») писал:

Дорогой Борис Викторович,

отвечаю Вам немедленно. На этот раз Ваши указания на связь «Б<ахчисарайского> Ф<онтана>» с «Аб<идосской> невестой» в точности повторяют то, что мною уже написано было несколько лет назад в комментариях к «Б. Ф.», и я очень рад, что мои предположения так хорошо подтверждаются самостоятельными наблюдениями другого. Цитирую по своей рукописи: «К апрелю 1821 г. относится черновик стихотворения “Кто видел край...”. По сопоставлению с началом “Аб<идосской> н<евесты>” Байрона, к<ото>рым навеяны эти стихи (см. об этом ниже), можно высказать предположение, что они были задуманы Пушкиным как лирическое вступление к этой новой поэме. Впоследствии тема этого стихотворения повторена в заключительных стихах Б. Ф.». Как видите, я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого и не думал об этом, а остальное почти все в точности совпадает. Несколько слов об этом было уже напечатано мной, если не ошибаюсь (не могу сейчас отыскать книжки), в Красной Нови 1936, № 3: «Крымская поэма Пушкина». Далее, я высказываю предположение, что этот замысел сменился замыслом иного лирическ<ого> вступления, тоже 5-стопн<ым> ямбом, т. е. «Там некогда, мечтаньем упоенный», к<ото>рый я датировал маем — июнем 1821 г. Вы совершенно правы и в том отношении,

⁵ РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21.

что октавы писаны сейчас же после «Пленника». «Ниже», т. е. в отделе лит<ературных> параллелей, я привожу байроновские тексты и т. д. Вообще, хорошо было бы, если бы Вы прочли мой комментарий. Там сделано многое наспех и без необходимых сведений по западной литературе, так что Вы многое могли бы подправить — хотя черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!⁶

Томашевскому, по-видимому, так и не довелось прочесть винокуровский комментарий к «Бахчисарайскому фонтану» целиком, но сведения, сообщенные ему в письме Винокура, он не только принял во внимание, но даже обнародовал. Указав в своей знаменитой монографии о Пушкине на то, что стихотворение «Кто видел край, где роскошью природы...» «написано октавами по образцу октав Жуковского, предпосланных “Двенадцати спящим девам” (перевод посвящения “Фауста”）」,⁷ Томашевский продолжал: «Высказывалось предположение, что оно предназначалось в качестве введения к крымской поэме (т. е. вероятно, к “Бахчисарайскому фонтану”, первая мысль о котором относится приблизительно к тому же времени)». И далее: «Догадка эта основывается на аналогии со вступительными стихами Байрона к “Абидосской невесте”, оказавшей несомненное воздействие на создание “Бахчисарайского фонтана”».⁸ Как нетрудно заметить, упомянутое «предположение» — не что иное, как выводы Г. О. Винокура, с которыми тот эпистолярно познакомил Томашевского.⁹

В своем пессимистическом сомнении («черт его знает, когда все это пойдет в печать, и пойдет ли вообще когда-н<ибудь>!») Винокур оказался прав: его комментарии к южным поэмам света так и не увидели. Только очень небольшая часть результатов работы над «Бахчисарайским фонтаном» и «Цыганами» нашла отражение в пе-

⁶ РГБ, ф. 645, карт. 35, № 77, л. 6—6 об.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: (1813—1824). С. 489. Это, видимо, то именно наблюдение, которым Томашевский поделился в не дошедшем до нас письме к Винокуру и о котором Винокур говорит в своем ответе («я не связывал лишь формы октав с Жуковским, п<отому> ч<то> не знал этого»).

⁸ Там же. С. 491 и примеч.

⁹ Сейчас трудно сказать, почему Томашевский, излагая мнение Винокура, не упомянул его имени. Во всяком случае, следует принять во внимание, что упоминание комментариев, снятых из академического издания по распоряжению властей, было практически табуировано в советской печати вплоть до появления статьи С. М. Бонди «Об академическом издании сочинений Пушкина» (Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 123—131); ленинградские же издательства с 1946 г. отличались повышенной осторожностью даже по сравнению с московскими.

части, причем — парадоксальным образом — не в специальной, а в так называемой «массовой». В канун пушкинского юбилея литературно-художественные и литературно-критические журналы охотно публиковали статьи о Пушкине. Благодаря этому в популярных журналах смогли увидеть свет две исследовательские статьи Винокура: в журнале «Красная новь» — статья «Крымская поэма Пушкина» (с очень важными, хотя и конспективно изложенными, текстологическими наблюдениями);¹⁰ в «Литературном критике» — статья «Монолог Алеко» (реконструкция важного фрагмента, не вошедшего в основной текст «Цыганов»; в этой статье давалось и краткое изложение истории текста поэмы, вынужденно ужатое до минимума в текстологических примечаниях к IV тому Полного собрания сочинений Пушкина).¹¹ Но эти статьи — именно потому, что были напечатаны в массовых журналах, к которым редко кто обращается спустя годы после их выхода, — оказались на периферии внимания исследователей.¹²

Ущерб, нанесенный утратой комментариев Винокура к южным поэмам, очень значителен: даже по журнальным публикациям и по немногочисленным уцелевшим фрагментам видно, что они могли бы далеко продвинуть изучение истории текста поэм и существенно стимулировать изучение их поэтики.¹³

¹⁰ Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Красная новь. 1936. № 3. С. 230—243. В новейший сборник работ Винокура о Пушкине эта статья почему-то не вошла; составители предпочли ей менее содержательную и более «популярную» статью о пушкинской поэме (Винокур Г. О. «Бахчисарайский фонтан» // Литературное обозрение. 1937. № 1. С. 54—60), при этом контаминировав ее (!) с фрагментами статьи Винокура из брошюры, выпущенной к постановке балета Ю. Асафьева «Бахчисарайский фонтан» (Винокур Г. О. Крымская поэма Пушкина // Бахчисарайский фонтан: Сб. статей. Л., 1937. С. 3—16). См.: Винокур Г. О. Собрание трудов: Статьи о Пушкине. С. 43—59 (вставка из брошюры — с. 46—48).

¹¹ Винокур Г. Монолог Алеко // Литературный критик. 1937. № 1. С. 217—231.

¹² Так, например, в статье «Крымская поэма Пушкина» Винокур указал на отражение в пушкинском послании Чаадаеву «таврической» поэмы С. Боброва (он повторит это указание — с другими целями — в одной из печатаемых ниже заметок). Наблюдение Винокура — конечно, независимо от него — через полвека повторил С. А. Фомичев (см.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 83). Новейшие исследователи будут ссылаться уже на Фомичева, а не на Винокура (см., например: Лусый А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000. С. 86—87).

¹³ Ряд извлечений из сохранившегося текста комментариев Винокура воспроизведен в примечаниях к репринтному изданию «Поэм и повестей» Пушкина 1835 г.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. М., 2007. Вып. 1: Поэмы и повести. Ч. 1. С. 255, 257, 258, 259, 262, 288, 354.

Тем больший интерес представляют три небольшие заметки под общим заголовком «Из комментариев к Пушкину», сохранившиеся в фонде Винокура в РГАЛИ (ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 52, л. 37–45). Это второй экземпляр машинописи, с небольшими рукописными исправлениями и вставками на полях. На верхнем поле первой страницы — карандашная помета рукой Винокура: «В исправленной редакции послано в Сборник в честь Белецкого». Сборник этот, вероятно приуроченный к наступившему 60-летию или к приближавшемуся 65-летию А. И. Белецкого (род. 21 октября / 2 ноября 1884 г.), однако так и не был опубликован — видимо, из-за начавшейся борьбы с космополитизмом, стремительно превратившей юбиляра в персону *non grata*.¹⁴

Две вошедшие в цикл заметки непосредственно выросли из комментаторской работы Винокура над «Бахчисарайским фонтаном» (и его, так сказать, «литературным конвоем»). В первой из них — «Храм Дианы» — запечатлено несколько важных литературоведческих открытий. По иронии истории, все эти открытия на протяжении многих десятилетий связывались не с именем Г. О. Винокура, а с фигурами других пушкинистов.

Содержание заметки — обоснование датировки третьего послания Пушкина Чаадаеву («К чему холодные сомненья?..»), включавшегося в «Отрывок из письма к Д.», которым сопровождалась прижизненные издания «Бахчисарайского фонтана». Объясняя «противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина», смущавшее исследователей и заставлявшее их прибегать к малоубедительным домыслам, Винокур впервые вышел за пределы созданного самим Пушкиным «биографического мифа» и показал, что авторская датировка послания 1820-м годом (как и авторская помета «С морского берега Тавриды») являет собою сознательную мистификацию. Исследователь установил бесспорную внутреннюю связь пушкинского произведения с «Путешествием по Тавриде» (1823) И. М. Муравьева-Апостола, что позволило ему датировать послание Чаадаеву концом 1824 г.¹⁵

¹⁴ В 1947 г. А. И. Белецкий подвергся разгромной критике за преклонение перед Западом и приверженность порочным идеям А. Н. Веселовского. См.: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. М., 2012. Т. 1. С. 568, 582, 583.

¹⁵ Нами было высказано предположение, что действительным стимулом для начала работы над посланием к Чаадаеву послужило знакомство Пушкина не с книгой Муравьева-Апостола, а с рецензией на нее в «Северном архиве» (1824. № 9, май). См.: Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 359–362. Следует, однако, заметить, что наши соображения не опровергают выводов Винокура, а отправляются от них.

Эта датировка была принята в академическом Полном собрании сочинений; с тех пор стихотворение датируется 1824 г. во всех без исключения изданиях Пушкина. Но поскольку комментарий с обоснованием этой даты так и не был опубликован, пионерская роль Винокура оказалась забыта, а место первооткрывателя занял другой крупный пушкинист: девять лет спустя после смерти Винокура аргументацию в пользу датировки послания 1824 г. изложил в своей монографии Б. В. Томашевский. Как и Винокур, он положил в основу аргументации связь пушкинского послания с книгой Муравьева-Апостола и обобщил свои соображения выводом: «Эпизод на развалинах храма Дианы подсказан чтением “Путешествия по Тавриде”».¹⁶

Именно книга Томашевского стала в глазах последующих поколений пушкинистов отправным пунктом для датировки третьего послания к Чаадаеву (и даже для активизировавшихся в последнее время попыток оспорить эту датировку¹⁷). Разумеется, Б. В. Томашевский пришел к заключениям, сходным с выводами Винокура, вполне самостоятельно (в противном случае он, конечно, не стал бы выстраивать разветвленную систему аргументов почти на трех страницах, а ограничился бы упоминанием высказанного другими «предположения»). Горький драматизм ситуации от этого становится только острее: выдающийся пушкинист повторил открытие другого выдающегося пушкиниста (и *поневоле* присвоил принадлежащий другому приоритет) только потому, что по прихотливой воле властей результаты научной работы не могли быть своевременно опубликованы!..

В той же заметке Винокур показал, что так называемый «Отрывок из письма к Д.» — это не частное письмо в собственном смысле слова, а литературное произведение, особого рода художественный «травелог», облеченный в эпистолярную форму. Этот вывод (сейчас кажущийся само собой разумеющимся) был для своего времени нов и неожидан. И сделать его должен был именно Г. О. Ви-

¹⁶ Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. С. 499–501; см. также: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824—1837). С. 48–49.

¹⁷ См., например: «Вслед за Б. В. Томашевским все исследователи и комментаторы полагают, что под “холодными сомненьями” подразумевается “мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы находился не у Георгиевского монастыря”, изложенное в его книге “Путешествие по Тавриде”...» (Казарин В. П., Андрейко Е. В., Шавшин В. Г. «К чему холодные сомненья?»: К вопросу о пребывании А. С. Пушкина в Георгиевском монастыре на мысе Фиолент // Крымский архив. 1999. № 5. С. 31).

нокур. Еще в 1920-х гг. он отметил связь между пушкинской прозой и некоторыми пушкинскими письмами. Он указал, в частности, что уже «первое письмо Пушкина с юга, адресованное брату Льву <...> объективно обращено не к одному только брату и читается нами как описательная повесть, как образчик особого литературного жанра — *путешествие*». И далее продолжил: «Известное письмо к Дельвигу, напечатанное в приложении к третьему изданию “Бахчисарайского фонтана” (1830), примыкая к тому же жанру путешествия, отличается вместе с тем уже некоторыми чисто-новеллистическими чертами...». ¹⁸ Изучение рукописи «Отрывка из письма к Д.» только укрепило Винокура в сложившемся мнении и позволило ввести «письмо» в состав пушкинских литературных произведений не только на теоретическом, но и на практическом уровне — в томе пушкинской прозы. ¹⁹

Однако честь открытия специфически *литературного* характера «Отрывка из письма к Д.» обычно не связывается с именем Винокура. Чаще всего приоритет в установлении особой жанровой природы «Отрывка...» приписывается Д. Д. Благому, редактировавшему текст для 8-го, а затем и для 13-го (эпистолярного) тома Полного собрания сочинений Пушкина и ни словом не упомянувшему о том, чьими наблюдениями он, собственно, воспользовался. ²⁰ Г. О. Винокуру пришлось специально отметить: «Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста “Бахчисарайского фонтана”, были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания...». Компетентный читатель может вполне оценить ироническую язвительность этого пояснения, облеченную в безукоризненно корректную, внешне почти комплиментарную форму: силою вещей

¹⁸ Винокур Г. Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1929. С. 300, 301.

¹⁹ Есть, впрочем, основания усомниться в том, что адресатом «Письма к Д.» был именно Дельвиг. Но эти сомнения не отменяют, а скорее подкрепляют центральный тезис Винокура о «литературности» пушкинского текста.

²⁰ См., например: «Д. Д. Благой в комментариях к этому письму справедливо отметил, что оно является “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 255); «...оно является, как отметил Д. Д. Благой в комментарии к тому же пушкинскому XIII тому, “чисто литературным произведением, написанным с заведомой целью отправить его в печать”» (Кошелев В. А. О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев. СПб., 2002. С. 220).

Д. Д. Благой то и дело оказывался бенефициаром начальственных акций, от которых страдали другие исследователи.²¹

В известном смысле нынешняя публикация старой заметки призвана служить не только восполнению историографических лакун, но и восстановлению исторической справедливости.

* * *

Вторая заметка («Берега Салгира»), также восходящая к работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану»,²² являет собой блестящий образец *филологической* критики, ее продуктивности для решения специальных комментаторских задач.²³ Предшественники Винокура (А. Л. Бертье-Делагард, Б. Л. Недзельский), разъясняя смысл образа «брега Салгира» в поэтических текстах Пушкина (в «Бахчисарайском фонтане» и в «Евгении Онегине»), действовали как историки-краеведы: они предполагали, что, поскольку Салгир протекает не через Бахчисарай, а через Симферополь, Пушкин либо ошибся, либо использовал ошибочное название, прилагавшееся населением Крыма чуть ли не ко всем крымским рекам.²⁴ Сходные объяснения продолжали появляться и во второй половине XX в.: В. В. Набоков, в общем присоединяясь к объяснению Недзельского («словом “Салгир” татары называли любую реку в Крыму»), при этом замечал, щеголяя причастностью к пушкинским маршрутам и лучшим, чем у Пушкина, знанием крымской географии: «Возможно, однако, что Пушкин перепутал Чурюк с настоящим Салгиром — рекой в другой, восточной части Крыма, которая начинается

²¹ Ср. письмо Ю. Г. Оксмана к М. К. Азадовскому от 11 февраля 1952 г.: «Самое пикантное, что Благой, кот<ором>у редакция любезно предоставила рукописи всех моих статей, успел включить в свое предисловие к публикации “Пушкин в неиздан<ной> переписке современников” все то, что из моих статей было затем изъято» (Марк Азадовский, Юлиан Оксман: Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К. М. Азадовский. М., 1998. С. 250).

²² Подпункт «Салгир» особо выделен (подчеркнут) в плане выступления Винокура на Пушкинской комиссии в Ленинграде (14 марта 1936 г.) с отчетом о работе над комментарием к «Бахчисарайскому фонтану» (см.: РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 57, л. 21).

²³ Извлечение из этой заметки воспроизведено в нашем комментарии к «Бахчисарайскому фонтану» в изд.: *Пушкин А. С. Соч. / Коммент. изд. под ред. Д. М. Бетеа. Вып. 1. С. 348–349.*

²⁴ Следует заметить, что эта практика оказалась чрезвычайно устойчивой: пишущий эти строки помнит, что еще в 1970-х гг. жители Гурзуфа упорно называли протекающую через поселок реку Авунду «Салгиром».

вблизи Аяна и течет на север, к Симферополю».²⁵ Совсем недавно М. В. Строганов предложил еще одно объяснение формулировки «берега Салгира». В словарной заметке «Бахчисарай», помещенной в «Материалах к Пушкинской энциклопедии» под его редакцией, по этому поводу говорится: «Бахчисарай стоит на реке Чюрюк-су (буквально 'гнилая вода'), а Салгир протекает через Симферополь <...>. Сурук-су названа она и у Муравьева-Апостола <...>. Но ни Сурук-су, ни Чюрюк-су, ни тем более перевод этого названия на русский язык не ложился в стих, и П<ушкин> написал Салгир».²⁶ Там же (в статье «Берег, брег») повторено: «берега Салгира» — «это (хотя и ошибочно, см. *Бахчисарай*) метонимия Бахчисарая».²⁷

Подобные объяснения нельзя, однако, признать удовлетворительными: с Бахчисараем можно связать разве что «пленниц берегов Салгира»; в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» (1821) и в LVII строфе Первой главы «Евгения Онегина» определенно говорится не о Бахчисарае, а о Крыме вообще, прежде всего о его южном («полуденном») берегу. О рискованности же объяснять выбор Пушкиным «неожиданного» слова просодическими соображениями нам уже доводилось писать.²⁸

Подкупающее ясностью и простотой объяснение Винокура оказывается вместе с тем куда убедительнее, чем все краеведческие экзерсисы: исследователь взглянул на проблему не как краевед и не как географ, а как *филолог* — то есть рассмотрел пушкинскую формулировку не в контексте крымской гидронимии, а в контексте поэтической фразеологии эпохи. Это и позволило ему увидеть в соответствующих пушкинских текстах не фактическую неточность и не отражение особенностей местного словоупотребления, а поэтический прием, метонимическое обозначение (опирающееся на европейскую традицию и вполне обычное для эпохи) не Бахчисарая,

²⁵ *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. под ред. Н. М. Жутовской. СПб., 1998. С. 213. Ср.: Eugene Oegin, A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin: In 4 vol. / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 212.

²⁶ Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 33.

²⁷ Там же. С. 35. Следует, однако, заметить, что в статье «Салгир» Строганов роняет замечание, которое ставит под сомнение его предыдущие соображения и неожиданно сближает его с Винокуром: «Впрочем, современники П<ушкина> постоянно вспоминают Салгир при всяком обращении к Крыму» (Там же. Ч. 2. С. 146).

²⁸ *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 276–277 (в связи с прилагательным «Александрыйский» в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

а Крыма.²⁹ Выводы Винокура имеют как конкретно-прикладное, так и общеметодологическое значение; они важны не только для понимания трех пушкинских текстов, но и для понимания истории русской поэтической фразеологии.

* * *

Наконец, третья заметка, уже не связанная непосредственно с южными поэмами, представляет собой блестящий пример находки, стимулированной довольно нелепым академическим заблуждением. Источник пушкинской шутки, казалось бы лежащий на поверхности, тем не менее не был выявлен в течение почти семидесяти лет, прошедших со времени создания заметки Винокура. Аллюзии на героиню крыловской комедии не распознаны и не отмечены ни в одном из комментированных изданий писем Пушкина, появившихся с той поры, — ни в малом академическом Собрании сочинений Пушкина под редакцией Б. В. Томашевского, ни в десятитомном Собрании сочинений Пушкина, выпущенном издательством «Художественная литература», ни в англоязычном трехтомном издании писем Пушкина в переводе и под редакцией Дж. Т. Шоу (1963), ни в двухтомнике «Переписка А. С. Пушкина» (1982).³⁰ Таким образом, заметка Винокура по сей день сохраняет всю свежесть, новизну и значимость научного открытия.

Но и она, при всем своем частном и конкретном характере, выводит читателя к целому спектру проблем, актуальных для современного исследователя: это и культура остроумия в пушкинскую эпоху, и круг чтения Пушкина и его современников, и роль жанра комедии как генератора цитатного фонда в культурном обиходе первой трети XIX в. (перифразируя «Урок дочкам» в письме к Вязем-

²⁹ Ср. в этой связи формулировку исследовательницы: «В <...> ряду ходовых поэтизмов пушкинского времени стоит и сочетание *на брег (берег), брега (берега) чего, на брегах (берегах) чего*, употребляемое метонимически для обозначения страны, города, пространства, расположенного на этих берегах» (Григорьева А. Д. Поэтическая фразеология Пушкина // Поэтическая фразеология Пушкина / Отв. ред. В. Д. Левин. М., 1969. С. 50; на с. 50–51 — ряд примеров, в том числе и с «брегами Салгира»). А. Д. Григорьева — ученица и сотрудница Г. О. Винокура (как и В. Д. Левин). Можно поэтому смело утверждать, что составленный Григорьевой каталог перифраз базируется на идеях Винокура.

³⁰ На то, что в письме Пушкина Вяземскому цитируется «Урок дочкам», указал Б. В. Томашевский в примечании к своей книге (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. С. 249, примеч. 169), но без раскрытия контекста цитаты и без каких-либо специальных пояснений. Именно поэтому, надо думать, его наблюдение не вошло в научный обиход.

скому, который относился к Крылову с острой неприязнью, Пушкин тем не менее не сомневался, что его адресат без труда распознает аллюзию на крыловскую комедию), и, наконец, живой интерес к лингвистическим спорам начала XIX века в 1820-х гг.

Текст заметок Г. О. Винокура печатается с сохранением авторских особенностей правописания и оформления материала (в том числе библиографических ссылок). Исправления и рукописные (чернильные) вставки в машинописный текст специально не оговариваются. Исключение сделано для одного неотделанного примечания, набросанного карандашом на полях первой заметки.

Г. О. ВИНОКУР ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПУШКИНУ

1. ХРАМ ДИАНЫ

Предание о храме Дианы в Тавриде и связанный с ним миф об Ифигении, Оресте и Пиледе послужили Пушкину мотивом для известного послания к Чаадаеву:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм

и т. д. Известны затруднения, связанные с датировкой этого стихотворения. Сам Пушкин печатно указывал, что оно написано в 1820 г. в Крыму. Это указание находим как при первой публикации стихотворения в 1825 г. в «Северной пчеле», № 12, так и при последующих его перепечатках в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 и 1829 г. Помимо того, в «Отрывке из письма к Д.», т. е. к Дельвигу, напечатанном в «Северных цветах на 1826 г.» и воспроизведенном в качестве приложения к третьему (1830) и четвертому (1835) изданиям «Бахчисарайского фонтана», Пушкин писал: «Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они». Далее следует полностью текст занимающего нас стихотворения (в четвертом издании «Бахчисарайского фонтана» он опущен). Таким образом, Пушкин шесть раз печатно заявил, что написал свое стихотворение в 1820 г. в Крыму.

Однако это заявление Пушкина невозможно согласовать с тем, что сохранившийся черновик этого стихотворения, как впервые установил Л. Н. Майков (см. его «Материалы для академического издания сочинений А. С. Пушкина», 1902, стр. 196—7), несомненно писан в 1824 г. в Михайловском. Черновик этот находится в записной тетради № 2396 (по нумерации Ленинской библиотеки в Москве <в действительности № 2369; ныне ПД 834>) между произведениями 1824 г., при чем исключена всякая мысль, будто Пушкин мог записывать что-либо в этой тетради уже в 1820 г. Противоречие между датировкой стихотворения по черновику и собственной датировкой Пушкина неустранимо. Вопрос лишь в том, чему в данном случае верить — черновику или заявлениям Пушкина. Большинство изданий сочинений Пушкина шло в этом отношении за Пушкиным.* Но можно с несомненностью доказать, что Пушкин в данном случае сообщал датировку заведомо неправильную.

Осенью 1823 г., в период подготовки «Бахчисарайского фонтана» к изданию (издание это осуществлял Вяземский в Москве), Пушкин заинтересовался дошедшими до него слухами о новой книге И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году» (СПб., 1823). 4 ноября 1823 г. Пушкин писал Вяземскому с просьбой выписать что-либо «посноснее» из этой книги в качестве приложения к изданию «Бахчисарайского фонтана», что, как мы знаем, и было сделано Вяземским. Но сам Пушкин познакомился с книгой Муравьева только год спустя. В начале ноября 1824 г. Пушкин писал брату Льву из Михайловского, прося прислать ему эту книгу. То, что Пушкин не знал этой книги, пока был в Одессе, и, следовательно, узнал ее только в Михайловском, косвенно доказывается следующим местом из «Отрывка из письма к Д.»: «Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М. (т. е. Муравьев-Апостол), я об нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался».

Содержательная, интересно написанная книга Муравьева-Апостола не могла не оживить в памяти Пушкина его крымские впечатления. В частности, должны были обратить на себя внимание Пушкина те страницы книги, которые содержат пространное опровержение мнения, согласно которому развалины какого-то строения по соседству с Георгиевским монастырем представляют собой остатки храма Дианы, упоминаемого античными писателями. По этому

* Ак. II. 330 пр. «Мы можем сказать только, что послание к Ч., созданное в 1820 г., было отделано окончательно в 1824 г.». Но рукопись — черновая, первоначальная. (Примечание вписано карандашом на полях. — О. П.)

поводу Муравьев-Апостол особенно настойчиво полемизирует с державшимся этого мнения знаменитым ученым путешественником Палласом, доказывая, что местоположение развалин, вопреки Палласу, вовсе не сходится с тем, что говорят об этом древние. Особенно подробно оспаривает Муравьев-Апостол право Палласа ссылаться в этом вопросе на Страбона. На стр. 92 книги Муравьева читаем: «Всей этой запутанности причиною, кажется мне, название мыса *Девиным* и *Капище* на оном *некоего божества*. Всякой человек с пылким воображением, с начитанностию, невольно нападает на мысль о Ифигении, когда речь пойдет о *Капище некоего божества Девы в Тавриде*; так точно и Паллас завлечен был; и что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помышлении не было говорить о дочери Агамемноновой».

Легко можно представить себе, что эти трезвые рассуждения Муравьева, противопоставляемые им пылкому воображению увлеченного Палласа, могли послужить для Пушкина толчком к своеобразной поэтической отповеди скептическим выкладкам ученого автора. Именно этот смысл и имеют начальные слова послания к Чаадаеву:

К чему *холодные сомненья*?
Я верю: здесь был грозный храм,

которые, вне соотнесения с каким-либо фактическим выражением сомнения в истинности легенды, оставались бы совершенно непонятными. Зная, что в конце 1824 г. Пушкин читал книгу Муравьева, и что примерно в это же время писался черновик послания Чаадаеву, с несомненностью приходим к выводу, что внешним поводом для послания была именно эта книга, и что собственная пушкинская датировка послания 1820 годом, с нарочитой пометой: «С морского берега Тавриды», есть не что иное, как литературная мистификация, продиктованная Пушкину самым замыслом его стихотворения.

Необходимо исправить также традиционное понимание «Отрывка из письма к Д.» как *частного* письма Пушкина к Дельвигу, понимание, мешавшее признать в пушкинской датировке литературный прием. Дело в том, что это не «простое», а именно *литературное* письмо, литературное произведение, написанное в ответ на прямой заказ Дельвига прислать что-нибудь для «Северных цветов». Именно, 10 сентября 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: «Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть». Интересно, что за исполнение просьбы Пушкин принялся только в декабре, т. е. уже после получения книги Мура-

вьева от брата. Ясно, что эта книга, как раз и упоминаемая в «Отрывке», была толчком для создания не только послания к Чаадаеву, но и «Отрывка».

Изложенные соображения, явившиеся результатом занятий историей текста «Бахчисарайского фонтана», были признаны достаточно вескими редакцией нового академического юбилейного собрания сочинений Пушкина, что и отразилось в композиции VIII т. означенного издания, где «Отрывок из письма к Д.» помещен в качестве самостоятельного литературного произведения Пушкина. Новое толкование послания к Чаадаеву нашло себе отражение также в т. I сочинений Пушкина, изданных издательством Academia в 1936 г. (см. стр. 735). В предшествовавшем издании 1935 г. это стихотворение помещено еще под 1820 г. (т. I, стр. 306).

Добавлю еще, что строчки послания:

На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество

близко напоминают соответствующее место об Оресте и Пиладе в поэме Боброва «Таврида», которую, как известно, Пушкин внимательно читал во время работы над «Бахчисарайским фонтаном», т. е. позднее 1820 года. Именно, у Боброва читаем:

Я здесь хочу поведать вам,
Какое дружбы торжество
Единожды в сем страшном храме
Открылось от ведомых к жертве.

2. БЕРЕГА САЛГИРА

Это выражение встречается у Пушкина несколько раз, именно в черновой редакции стихотворения «Кто видел край» (1821):

Приду ли вновь, поклонник Муз и мира,
Забыв Молву и света суеты,
На берегах веселого Салгира
Вспоминать души моей мечты;

далее в эпилоге «Бахчисарайского фонтана» (прообразом этого эпилога несомненно и является упомянутое стихотворение):

О скоро вас увижу вновь
Брега веселого Салгира;

в строфе LVII первой главы «Евгения Онегина» героини «Бахчисарайского фонтана» названы «пленницами берегов Салгира». В литературе о Пушкине выражение «берега Салгира» порождало недоумения. А. Бертье-Делагард в обстоятельной статье «Память о Пушкине в Гурзуфе» (Пушкин и его современники, в. XVII—XVIII, стр. 114—115), основываясь на том, что Пушкин, судя по всем данным, не останавливался в Симферополе, писал, что в указанном выражении нельзя понимать Салгир как название речки, протекающей в этом городе. Сам Бертье-Делагард склонялся толковать это слово у Пушкина как нарицательное, означающее вообще горную речку или сухоречье, а потому считал, что пушкинский Салгир означает горный поток, протекающий через Гурзуф. Мнение это было поддержано Б. Л. Недзельским (Пушкин в Крыму 1929, стр. 53—54), по словам которого «именем Салгира среди русского населения в Крыму называется не только река, протекающая через Симферополь, но и вообще крымские реки и сухоречья».

На деле же выражение «берега Салгира» означает просто Крым и представляет собой традиционную литературную привычку, связанную с общим для европейских литератур известного времени обычаем описательно называть страну или город по имени соответствующей реки, т. е. точно так, например, как «брега Невы» для Пушкина означали Петербург. В этом убеждает множество параллелей, которые можно привести к выражению «брега Салгира» из различных русских литературных памятников конца XVIII и начала XIX века. Приведу некоторые.

В книге Павла Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (СПб. 1803, ч. I, стр. 14) читаем: «Итак, прощай прелестный град, я в мирную Тавриду еду, прощай горделивая Нева, я на берега Салгира быстрого переселяюсь». В поэме Боброва «Таврида» (1798) и ее более поздней переделке «Херсониды» (1804) это выражение встречается постоянно, например:

Благотворящая природа,
Котора на хребтах высоких,
На мшистых берегах Салгира...

или:

Но что оратай ощущает
Живущий на берегах Салгира...

Ср. «Салгирски берега тенисты», «дубы при берегах Салгира» и пр., при чем во всех этих местах речь идет не о каком-нибудь отдельном населенном пункте Крыма, а о Крыме вообще.

Особенно любопытно в данном отношении сочинение Владимира Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» (1800, второе изд. 1802), в котором речь идет действительно о Салгире, протекающем через Сиферополь, но которое особенно наглядно показывает, каким образом эта речка могла, в соответствующей литературной традиции, превратиться в обобщенный поэтический символ Крыма вообще. В этом путешествии рассказывается чувствительная история Нового Вертера, симферопольского юноши, покончившего с собой из-за любви, причем постоянным фоном для отдельных деталей этого события служит Салгир, который именуется «томным», «тихим», «журчащим», и сравнивается с водопадом Воклюз на юге Франции, воспетым Петrarкой и приобретшим во французской литературе значение символического ключа поэтов и влюбленных. Цитируя одного из французских поэтов, упоминающего именно в этом качестве Воклюз, Измайлов пишет: «И у нас есть сие сладкое убежище, и у нас есть свой Воклюз, и у нас виды Салгира пита-ли страсть двух нежных любовников.

Ключи Воклюза и Сальгира!
Вы милы для сердец чувствительных равно».

Вопреки мнению В. Я. Брюсова (Пушкин под ред. Венгерова. II, 99), Гераков в своих «Путевых записках» (1828, стр. 131), иронизируя над «плаксивыми путешественниками», прославившими Салгир, имеет в виду не Пушкина, а именно Измайлова.

К означенной традиции несомненно восходит и упоминание Салгира в «Элегии» Василия Туманского (1823):

Как звонкое журчание Салгира,
Как шопот миртов на горах,
Как шум лады, бегущей на волнах,
Приятен мне твой голос, лира!

Традиция эта отразилась и у Мицкевича. В его сонете «Piełg-
gzum» между прочим читаем:

Litwo! piały mi wdzięczniej tve szumiące lasy
Niż słowiki Bajdaru, Salthiry dziewice,

т. е.: «Литва! <твой> шумящие леса мне пели красивее, чем соловьи Байдара, девы Салгира».

Таким образом, в языке Пушкина выражение «берега Салгира» представляет собой не что иное, как своего рода поэтическое клише, в котором напрасно было бы искать каких-нибудь реальных топографических указаний.

3. НЯНЯ ВАСИЛИСА

В письме к Вяземскому 14–15 августа 1825 г. Пушкин писал: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-росском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова, или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах».

Не трудно догадаться, что речь здесь идет об эпохе крайней галломании, охватившей русское общество после Тильзитского мира и вызывавшей против себя протесты со стороны патриотического лагеря. Так это письмо и объясняется, например, в комментариях Б. Л. Модзалевского (см. Письма I, 498). Но как у Модзалевского, так и у других комментаторов Пушкина, до сих пор остается неразъясненным то, что больше всего нуждается в разъяснении в приведенном письме, именно — что означает здесь «няня Василиса»?

Станным образом никто не обратил внимания, что речь здесь идет о действующем лице известной комедии Крылова «Урок дочкам», впервые представленной как раз в 1807 г., 18 июня (П. Арапов, Летопись русского театра 1861, стр. 181). В том же году комедия появилась и в печати. В комедии Крылова няня Василиса преимущественно занимается тем, что неотступно присутствует при беседах двух дочерей ненавистника французской речи Велькарова, Феклы и Лукерья, и по приказу его решительно препятствует попыткам двух модных барышень говорить между собой по-французски. Например, в явлении третьем читаем:

Лукерья. Eh bien, ma sœur... *Н. Василиса.* Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гневаться будет! *Лукерья.* Чтоб тебе оглохнуть, няня Василиса!

В следующей реплике Лукерья снова сбивается на французскую речь: «Ах! я так зла, что задыхаюсь от бешенства, так зла, так зла, что... ah si jamais je suis...» Но няня Василиса тут как тут: «Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гневаться по-русски!» Та же игра продолжается и дальше. Репликой Василисы: «Матушки барышни, извольте кручиниться по-русски» заканчивается и вся комедия.

Пушкин с исключительным остроумием пародирует в своем письме к Вяземскому этот вечный припев крыловской няни Василисы, призывая своего друга «браниться в рифмах», «жаловаться в стихах». То же блестящее остроумие Пушкина сказалось и в приравнивании к няне Василисе Шишкова и Глинки. Вообще это письмо Пушкина лишней раз свидетельствует о том, как остро воспринимал Пушкин литературную современность, даже и в таких ее фактах, которые он мог познавать только ретроспективно — ведь в 1807 г. Пушкину было всего восемь лет.

Отмечу совершенно курьезный комментарий к приведенному письму Пушкина, попавшийся мне на глаза в книге А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения», Одесса 1887—1888, стр. 26 (сноска) и своей курьезностью, собственно, побудивший меня вникнуть в истинный смысл слов Пушкина. Именно, Кочубинский писал: «По словам Пушкина, и дамы лагеря Шишкова говорили на славяно-русском языке». Вот образчик поистине изумительного искусства читать текст: правда, по Пушкину, шишковские дамы говорили на славяно-русском языке «редко», но значит, всё же говорили на нем!

1. V. 45.
Москва.

Г. Винокур

II. ОБЗОРЫ

А. Г. ВОЛХОВСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В 1840–1880-е ГОДЫ В ИСПАНИИ

Историю испаноязычного Пушкина принято отсчитывать с 1847 г., когда в Валенсии в журнале «El Fenix» вышел перевод повести «Метель» («El turbión de nieve»). В последующие 30 лет именно эта повесть оказалась самым издаваемым в Испании произведением Пушкина.¹ Перевод был сделан с французского языка и опубликован анонимно.² По этому переводу очень сложно судить об образно-стилистических достоинствах текста русского писателя. Но, по всей видимости, привлекательным для испаноязычного читателя оказались сами романтико-сентименталистские составляющие сюжета, «оголенный» фабульный костяк повести — мотивы любви, судьбы, стихии, долга, смерти. Важную роль, пожалуй, мог сыграть и ореол нордического экзотизма, сопутствующий «Метели».

Следует иметь в виду, что 1840-е гг. для Испании — это время интенсивного развития романтизма, продолжающегося впитывания

¹ Повесть выходила в различных периодических изданиях, а именно: La Revista Hispanoamericana. Madrid, 1848; El Museo Universal. Madrid, 1863; La Revista de Santiago. Chile, 1850 (см.: Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en America // Actas del Tercer congreso de hispanistas. México, 1970. URL: http://cvc.cervantes.es/literatura/aih/pdf/03/aih_03_1_089.pdf, P. 816–817; Monforte R. Las ediciones periodicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX // Traducción y cultura. Berlin; Bern; Bruxelles, 2010. P. 309).

² Schanzer G. O. Las primeras traducciones de literatura rusa en España y en America. P. 816.

опыта романтической литературы Англии, Франции и Германии. Испанские романтики зачастую оказывались под влиянием самых различных иноязычных тенденций, при этом они чаще всего открыто указывали на источник заимствования. Однако опора на инокультурный опыт особым образом соотносится с яркой национальной окрашенностью испанского романтизма, напряженным новым открытием и переживанием традиции, постоянным переосмыслением народных сюжетов. Еще одна характерная черта — специфический историзм, ориентированный на заимствования из средневековых хроник, но подразумевавший достаточно свободную интерпретацию исторических событий. При этом испанских романтиков вдохновляют и идеалы Просвещения, в особенности ценными остаются идеи необходимости разумной организации общества и личной жертвы в пользу всеобщего блага.³

Именно в этом контексте А. С. Пушкин становится самым переводимым русским автором и остается таковым вплоть до 1870-х гг. В 1854 г. в журнале «La Ilustración. Periódico Universal» публикуется перевод «Выстрела», в 1855 г. в журнале «El correo de Ultramar» вышел перевод «Капитанской дочки»,⁴ в 1865 г. в журнале «El Diario de Barcelona» были опубликованы драматические произведения Пушкина — «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка».⁵ Заметим сразу, что все эти переводы существуют вне документально зафиксированного рецептивного контекста: несмотря на повторные появления в печати, не обнаружено ни одного свидетельства о читаемости текстов Пушкина, ни одного читатель-

³ Подробнее см.: *Тертерян И. А.* Испанский романтизм: Общая характеристика // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 229–233. Примечательно, что в процессах становления русского романтизма современные испанские исследователи видят схожую картину. Акцентируется внимание на интенсивных внешних влияниях, в особенности французских, концентрации на национальной исторической и народной традициях. «Русский романтизм, — отмечала А. Кардона Суансес, директор Национального музея эпохи романтизма в Мадриде, — результат различных влияний: отчетливо выделяющегося французского, не менее важного итальянского и немецкого. Несмотря на очевидное чужеземное влияние, примеры которого представлены на выставке, русский народ и культура представляют собой могущественную силу, которая становится главной. Это новое видение мира, основанное на свободе и максимальном пробуждении личности, героя, несомненно, уходит своими корнями и в прошлое народа с присущим ему патриотизмом» (*Кардона Суансес А.* Плененные светом: Русская живопись первой половины XIX века // *El romanticismo ruso de la época de Pushkin.* Madrid, 2011. P. 169).

⁴ См.: *Monforte R.* Las ediciones periódicas como factor clave en la difusión de la literatura rusa durante la segunda mitad del siglo XIX. P. 309.

⁵ См.: *Ibid.* P. 309–310.

ского или критического отклика на «Метель» и другие тексты, публикуемые в испаноязычных периодических изданиях.

Но с другой стороны, известно, что среди первых испанских читателей Пушкина, оставивших отзыв, был Хуан Валера,⁶ автор известных и ставших весьма популярными в Испании «Писем из России». Об этих письмах, изначально предназначенных для печати, сохранились свидетельства матери и сестры автора, отмечавших, что их «перепечатывают все газеты, вплоть до рекламной».⁷ В одном из писем (от 5 февраля 1857 г.) Валера поделился своим мнением о русской литературе и о Пушкине: «Об остальных русских писателях, древних и современных, и о песнях и народных балладах, которые созданы здесь и соответствуют нашим романсам, я буду говорить, когда выучу язык, со знанием дела. А сейчас я могу с уверенностью говорить только о Пушкине и о Лермонтове. Боденштедт так хорошо перевел их стихами на немецкий, что читаешь их как по-русски».⁸ Примечательно, что Валера читает русские тексты отнюдь не на испанском языке: на начальном этапе распространение известности Пушкина в Испании в принципе не зависит напрямую от переводов его произведений на испанский язык.

Что же касается основного источника сведений о Пушкине в Испании, то сначала это были периодические издания. Причем журналы и газеты стали каналом трансляции как текстов Пушкина, так и критических мнений о нем. Переводные обзоры русской литературы появлялись в испанской прессе с 1840-х гг., однако оригинальные критические отзывы, написанные испанскими авторами, возникают только в 1870-е гг. Среди текстов, посвященных русской литературе, где основное внимание уделяется фигуре Пушки-

⁶ Хуан Валера-и-Алькала-Гальяно (Valera y Alcalá-Galiano; 1824–1905) — испанский дипломат и писатель, автор романов «Пепита Хименес» (1874), «Иллюзии доктора Фаустино» (1875) и др. После возобновления дипломатических отношений между Россией и Испанией в 1856 г. служил секретарем Чрезвычайного посольства в Санкт-Петербурге.

⁷ См.: Багно В. Е. Россия и Испания: Общая граница / РАН. Ин-т рус. лит-ры (Пушкинский Дом). СПб., 2006. С. 320.

⁸ Валера Х. Письма из России. СПб., 2001. С. 154. Фридрих Боденштедт (Bodenstedt; 1819–1892) — немецкий писатель, переводчик и поэт. С 1840 по 1846 г. жил в России, изучал русский язык и славянскую литературу. На момент написания указанного письма вышло три тома произведений Пушкина в переводе Боденштедта: *Puschkin A. S. Dramatische Werke* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1855; *Puschkin A. S. Eugen Onägin: Roman in Versen [1854]* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854; *Puschkin A. S. Gedichte* / Deutsch von F. Bodenstedt. Berlin, 1854. Можно предположить, что в письме речь идет о каком-то из этих изданий.

на, особый интерес представляет статья Эмилио Кастелара⁹ «Русский романтизм» («El romanticismo ruso»), опубликованная в газете «La ilustración española y americana». Здесь Кастелар дает подробное описание жизни и творчества Пушкина. Отчетливо выделяя его роль в развитии русской литературы, Кастелар окружает биографию и тексты Пушкина сугубо романтическим ореолом. Благодаря авторитету и влиянию Кастелара именно этот образ Пушкина впоследствии дополнялся новыми интерпретациями, а имя Пушкина становится в один ряд с именами крупнейших европейских авторов-романтиков. «Человек, олицетворяющий собой истинную литературную революцию в России, это Пушкин, — писал Кастелар. — Романтизм, который во Франции и Испании представлял собой освобождение, в Германии из-за национального контраста, на основе которого формируется интрига истории, стал отступлением. <...> В России романтизм носил характер, сходный с испанским и французским; в России существовал протест против “германизованного” двора и красноречивейшее обращение к духу времени и призыв к наступлению народной свободы. Пушкин был романтиком. На заре своего романтизма он не воспевал природу, как это делали поэты-классицисты, Делиль во Франции или Мелендес в Испании; он не пел, как хотели бы того тираны, о лиственных лесах и березах; о степях, необъятных как океаны; о девственных снегах, посеребренных светом полной луны; о волнах Балтийского моря, беспокоящих его гладь в долгие летние дни и закованных в ледяные цепи в бесконечные зимние ночи; о полярных горизонтах, залитых розовыми красками рассвета, заполнившего своим сиянием бесконечность пустынь и кристальных гор; он не пел о природе, которая, в своих жестах, своем сиянии и красоте, будучи бесстрастной свидетельницей стольких преступлений, в безжалостном равнодушии утоляла жажду кровью мучеников и наполняла живительным воздухом легкие тиранов; он воспел новые идеи, передав весь их восторг и смятение, он воспел дух, который в смущении и волнении перед бурями, рвущими его изнутри, вдруг восстает, чтобы достучаться до Небес во имя справедливости и свободы, и, даже пав в плаче отчаяния и боли, не признает воли Бога лишить его собственных прав. Воспеть дух в самом лоне России! Поэт должен был дорого запла-

⁹ Эмилио Кастелар-и-Риполь (Castelar y Ripoll; 1832–1899) — испанский историк, писатель, журналист и политик. С 1873 по 1874 г. — президент Первой республики. Был острым критиком государственного устройства России, постоянно обращаясь к русской теме в парламентских выступлениях, эссе, в книге «Современная Россия» (1881).

тить за это. Некоторые историки утверждают, что Пушкина перед ссылкой избивали розгами. Другие говорят, что его лишь выслали и заключили в удаленный монастырь. Там он был предоставлен сам себе. Страдание одинокого Титана, прикованного к скале Кавказа, стало его страданием». ¹⁰ Во взаимоотношениях Пушкина с Николаем I Кастелар видит исключительно театрализованно-трагедийную сторону, встраивая образы «поэта» и «властителя» в галерею подобных исторических персонажей: «Тиран больше не приказывает солдатам высечь его, он приказывает придворным развратить его. Известно, что во все времена тираны любили иметь при дворе гения: у Филиппа был Аристотель; у Августа — Вергилий; у Карла V — Гарсиласо; у Людовика XIV — Мольер; и Николай тоже хотел, чтобы у него был свой поэт, и выбрал Пушкина, который придал русскому языку невероятную пластичность и который, получив сокровище — идеи своего времени, принес их в жертву деспотизму». ¹¹ В образе русской словесности, особенно же в образе Пушкина, демократический пафос сочетался у Кастелара с отчетливым мелодраматизмом и духом сенсационности. Именно такова статья «Европейские сплетни» («Murmuraciones europeas»), опубликованная Кастеларом в одной из газет: «Жуткая драма с трагической развязкой пронеслась по всему миру и привлекла огромное внимание. Некий великий князь московский, военный высокого чина царских войск, кузен царя, только что был специальным указом отстранен от военных действий и отлучен от семьи Романовых. Какое преступление он совершил, чтобы заслужить такое наказание?» ¹² Речь в статье шла о великом князе Михаиле Михайловиче, внуке Николая I, влюбившемся в Софию Николаевну Меренберг, внучку А. С. Пушкина, и сочетавшемся с ней мorganатическим браком в 1891 г. «Самое интересное здесь для людей, увлекающихся литературой, это то, что совершенно случайно невеста оказалась дочкой великого русского поэта Пушкина. Поэтому весь мир теперь говорит о “московской” литературе и о ее первом выдающемся поэте. И, говоря о подобного рода материи, весь мир вспоминает, что роковой враг, как рок Антигоны, давит тяжелой тоской плечи дочери поэта, когда мать ее супруга кончает с собой из преклонения

¹⁰ Castelar E. El romanticismo ruso // La ilustración española y Americana (Madrid). Aco 18. 1874. № 13. 8 de abril. P. 199—200. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

¹¹ Ibid. P. 199.

¹² Castelar E. Murmuraciones europeas // La ilustración artística: periódico semanal de literatura, artes y ciencias. 1891. Tomo 10. Aco 10. № 489. 11 de mayo. P. 290.

перед своей императорской семьей, а ее собственный отец убит на дуэли из-за ревности к ее матери. Трагедии жизни и реальности!»¹³ Кастелар допускает фактическую ошибку: ни одна из дочерей Пушкина не могла выйти замуж в 1891 г. в силу возраста. Вопрос только в том, намеренна ли эта ошибка или нет. Так или иначе, но Кастелар явно пользуется «сенсацией» для того, чтобы в этой же статье подробно рассказать о хорошо знакомом ему русском поэте Пушкине, частично повторяя тезисы своей предыдущей статьи от 1874 г. Более того, Кастелар переводит Пушкина из разряда героев, принесенных в жертву в угоду тиранам, в разряд живых людей, у которых есть семья, дети, внуки и обычная жизнь, тем самым делая поэта вполне реальным человеком.

Мнение Кастелара о Пушкине оказалось более чем авторитетным не только для Испании, но и для Италии,¹⁴ а позднее и для Латинской Америки.¹⁵ Безусловно, статьи Кастелара обсуждались и в Испании — как в политической, так и в литературной среде. В ближайший круг общения Кастелара входила, в частности, Эмилия Пардо Басан (Pardo Bazán; 1851—1921). В 1885 г. она читала курс лекций, материалы которого в 1887 г. были опубликованы в книге «Революция и роман в России» («La revolución y la novela en Rusia»),¹⁶ в которой Пушкину посвящен небольшой, но весьма показательный фрагмент. Интерес к русской литературе у Пардо Басан формировался под отчетливым воздействием опубликованной в 1886 г. книги Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» («Le Roman russe»), а произведения Пушкина она читала во французских переводах. Заметим, что и Кастелар некоторое время (1866—1868 гг.) жил во Франции, так что, скорее всего, также был знаком с французскими текстами произведений Пушкина и с книгой Вогюэ. «Первостепенное значение “Русского романа”, — отмечает С. Л. Фокин, — остающегося ценнейшим памятником истории литературы XIX века, складывается из двух движущих сил, побуждавших французского литератора представить своим собратьям по перу и просвещенным французским читателям живописную

¹³ Castelar E. Murmuraciones europeas. P. 290.

¹⁴ См.: Голубцова А. В. Пушкинский миф и национальная идентичность в Италии XIX века // Русская литература в зеркалах мировой культуры: Рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. М. Ф. Надъярных, В. В. Полонский; Отв. ред. А. Б. Куделин. М., 2015. С. 413—414.

¹⁵ Надъярных М. Ф. Культ русской литературы в Латинской Америке // Там же. С. 904—906.

¹⁶ Подробнее см.: Багно В. Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л., 1982.

картину русской жизни и русской литературы. Во-первых, пути чужестранной литературы призваны были стать знаком, указывающим французской словесности на иные возможности развития <...> Во-вторых, «Русский роман» имеет исключительную историческую ценность в качестве единственного в своем роде свидетельства, в котором запечатлелся цельный взгляд на русскую литературу со стороны французского литературного сознания».¹⁷

Э. Пардо Басан, как и Кастелар, признает исключительную значимость творчества Пушкина для развития русской литературы. При этом Пушкин для Пардо Басан, как и для Вогюэ, в большой мере является «экзотическим» автором: явно вслед за Вогюэ испанская писательница обращает внимание на африканское происхождение русского поэта, дополняя, впрочем, этот мотив примечательной мифологизирующей аллюзией к классическому тексту Шекспира, со своей стороны формирующей образ нереального, но одновременно возвышенного трагического героя: «Александр Пушкин — полубог русской поэзии; в его жилах, смешанная со славянской, текла африканская кровь, ведь он был внуком абиссинца Абрама Ганнибала, из рода храброго Отелло, которому Петр Великий пожаловал чин генерала, женив его на придворной даме».¹⁸ Однако экзотизм в суждениях Пардо Басан размывается совершенно иными мотивами, опосредованно сближающими творчество Пушкина с теми идеалами восприятия народной традиции, которые были близки испанскому романтизму. Заметим, что в этом случае трагизм уступает место мелодраматизму: «Когда поэт был еще ребенком, старая няня, баюкая дитя, рассказывала ему легенды, народные сказки и небылицы, и это семя упало на благодатную почву. Не так важно то, что к 14 годам, покидая отчий дом и споря со своей семьей, он уже был настоящим вольтерьянцем, что его лицейский преподаватель, идейный брат Марата, внушил ему модный тогда поверхностный атеизм, что его ранняя искушенность заставила его педагогов поверить, что этот необыкновенный пылкий юноша утомлен и телом, и душой; все это не слишком важно, ведь если в том возникала нужда, Пушкин вспоминал о том, что ему рассказывала старая няня, и его безупречное эстетическое чутье помогало ему воспринять силу народной традиции».¹⁹ При том, что Пардо Басан несомненно счи-

¹⁷ Фокин С. Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб., 2013. С. 35.

¹⁸ Pardo Bazán E. La revolución y la novella en Rusia: (Lecturas en el Ateneo de Madrid). Madrid, 1887. P. 243.

¹⁹ Ibid. P. 243–244.

тает Пушкина поэтом-романтиком, в то же время она признает и потенциальную полистилистику пушкинских произведений: «Было бы несправедливо считать его исключительно подражателем зарубежных романтиков; кроме того, некоторые полагают, что из-за оживленности и страстности его натуры автор “Евгения Онегина” одной ногой всегда стоит на почве классицизма, в эллинском понимании этого слова, и что если бы он остался жив, его талант подвергся бы изменениям, проявив себя в романе и создании национального театра».²⁰

Период с конца 1840-х до 1880-х гг. является временем, когда начинает складываться первичный образ Пушкина в Испании. Для испаноязычного читателя Пушкин — это поэт-романтик, певец свободы и духа времени, мученик, пострадавший за свои идеи. Характерно, что романтизации и мелодраматизации (эти черты проявляются в том числе в стиле работ Каstellара и Пардо Басан) подвергается биография поэта, чему естественным образом соответствуют избираемые для переводов тексты. Взаимодействие биографического и собственно текстуального способствует формированию и закреплению романтической линии восприятия Пушкина, которая впоследствии превращается в некий стереотип и остается главенствующей на протяжении следующих периодов, вплоть до сегодняшнего дня.

²⁰ *Pardo Bazán E.* La revolución y la novella en Rusia. P. 252—253.

О. А. ЯКИМЕНКО

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ ПУШКИНА В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XXI вв.

История переводов художественной литературы и рецепции иноязычных авторов неизменно порождает целый ряд вопросов: почему тот или иной автор «приживается» на чужой почве; что привлекает в произведениях (а зачастую и личности) зарубежного автора — экзотика, или универсальность, или же созвучность принимающей культуре.

В случае с венгерской литературой, логика развития которой существенно отличается как от западноевропейского, так и от русского пути, проблема восприятия ею русских авторов представляет особый интерес.

Рамки статьи не позволяют нам перечислить все существующие переводы пушкинских произведений на венгерский язык или представить все упоминания имени А. С. Пушкина или его героев и цитаты из его стихотворений, поэм и повестей в текстах венгерских авторов, однако, не претендуя на абсолютную полноту картины, мы все же попытаемся обрисовать основные закономерности восприятия творчества Пушкина и привести свидетельства важности его наследия для венгерской литературы.

В венгерском культурном пространстве Пушкин появляется в начале двадцатых годов XIX в. В этот период венгерская пресса писала о России главным образом в историческом аспекте: читателей больше интересовало государственное устройство страны, наука, география, образование.¹

¹ Подробный анализ рецепции русской литературы — и главным образом творчества А. С. Пушкина — в Венгрии XIX — начала XX в. с точки зрения доминировавших в этот период в венгерском обществе политических и идеологических течений и настроений см. в статье: *Стыкалин А. С. Отношение к панславизму в Венгрии XIX — первой половины XX в. и восприятие творчества Пушкина // А. С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта). М., 2000. С. 264–275.*

К XIX в., в первой трети которого русская литература уже успела испытать резкий подъем и приближалась к своим вершинам, венгерская еще только начинала осознавать себя как самостоятельное явление. Постоянная борьба за политическую и культурную независимость, отсутствие государственности превращали литературы Центральной и Восточной Европы в первую очередь в национальный проект, а одним из главных условий их становления было формирование нового литературного языка.² Концепции, ставшие фундаментом нового литературного языка, сформировались в Венгрии в первые два десятилетия XIX в.³ Как следствие, на первый план в произведениях венгерской литературы первой и второй трети столетия выходит борьба за независимость, поиск корней, обращение к национальному фольклору и «славному прошлому», отодвигая на второй план личные проблемы и общественные противоречия. Если в западноевропейской (и русской) литературе актуальные социальные и индивидуально-психологические аспекты становятся в этот период территорией романа, в Венгрии прозаические жанры формируются под влиянием исторической романтики Вальтера Скотта и Эжена Сю, а современностью «занимается» в большей степени поэзия. Особенно можно выделить основоположника венгерской стихотворной эпики Яноша Араня (1817–1882), чье имя венгерские исследователи часто упоминают в контексте поиска аналогов пушкинскому языку.⁴

Первые обзоры русской литературы выходят в двух выпусках вестника «Русская литература» из серии «Полезные развлечения» («*Hasznos Mulatságok*») в 1822 и 1825 гг. В этих публикациях теоретик венгерского романтизма и основоположник венгерской литературной критики Ференц Толди (1805–1875) призывает к изучению культур соседних народов, обращая внимание и на русскую литературу (сам он знакомился с ней через немцев и французов).

² У венгров это произошло несколько раньше, чем, например, у чехов или у сербов: несмотря на доминирование латыни и немецкого (частично — турецкого, в зависимости от того, под чьей властью находились территории страны, Габсбургов или Османской империи), со времен Ренессанса венгерская литература продолжала свое существование, пусть и в ограниченном пространстве Трансильванского княжества.

³ См.: Никольский С. В. Введение: [Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 474.

⁴ Правомочность проведения подобных параллелей ставит под сомнение Михай Петер в сопоставительном анализе переводов «Евгения Онегина» на венгерский язык; см.: Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. Válogatott tanulmányok. Tinta kiadó, 2005. P. 174.

Толди коротко упоминает Ломоносова, Тредьяковского и Сумарокова, также в его обзоре фигурируют Херасков, Богданович, Капнист и др. О Пушкине он пишет как об авторе «смелых романтических произведений».⁵ Как отмечает венгерский историк литературы, составитель трехтомника «Русские писатели глазами венгров»⁶ Жужа Зёльдхен, «для этой — да и для последующих эпох — характерно то, что упоминаний о русских писателях до Пушкина практически нет, таким образом, нет никаких указаний на национальные литературные традиции, которые Пушкин и его современники в своем творчестве продолжали».⁷

В 1828 г. в «Научном сборнике» («Tudományos Gyűjtemény») выходит статья Толди «Русская поэзия», основанная на тексте русского критика Плетнева. Именно опираясь на Плетнева, он впервые выделяет как самых важных русских авторов Жуковского, Державина и Пушкина: «За последние четыре года (1821—1825) Пушкин написал три произведения, которые могли бы обрести популярность и за рубежом, — “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник” и “Бахчисарайский фонтан”».⁸

Искренний интерес Толди, его открытость и попытка критически осмыслить новое для него литературное пространство (он, в частности, сравнивает положение писателя и поэта в России с ситуацией в Венгрии и находит последнюю куда более тяжелой) заложили определенные традиции восприятия русской литературы в венгерской культуре. В 1834 г. в работе «Нынешнее положение московитской литературы» Толди вступает в полемику с некой русской дамой, опубликовавшей письмо в журнале «Bibliothèque Universelle» (дама, в частности, отрицает необходимость переводов, ссылаясь на то, что приличные люди и так знают несколько европейских языков), и пишет о Пушкине:

Александр Пушкин, русский Тиртей, отмечен пламенем созидания. <...> Пушкин с чудесной силой умеет выразить страсти и ловко использует свойственные одному ему языковые обороты. По сути, он никому не подражает и часто поднимается до высот Байрона. Многие произведения поэта своей силой и смелостью обогащают нашу литературу. «Кавказский пленник» обрисовывает

⁵ Hasznos Multságok. 1825. № 10. 2 félév. P. 75—77.

⁶ Orosz írók magyar szemmel. Budapest, 1983—1986. Köt. 1—3.

⁷ Zöldhelyi Z. Előszó // Ibid. Köt. 1. P. 17.

⁸ Tudományos Gyűjtemény. 1828. Köt. 10. P. 105—114.

воинственные нравы диких племен, «Онегин» — обычаи высшего света.⁹

Еще более пылким сторонником прогрессивной русской литературы выступил Габор Казинци (1818—1864) в основанной на немецких источниках¹⁰ статье «Взгляд на русскую литературу в 1837 году», где он пишет о произведениях Пушкина позднего периода, отмечая возрастающий объективизм автора. На взгляды Казинци, возможно, повлиял и Белинский, но, в отличие от него, венгерский автор очень высоко оценивает «Пиковую даму»:

Талант Пушкина не пропал, но принял новое направление. С каждым днем он все активнее отказывается от лирически-субъективной нервозности и обретает все большую объективность, пластическую силу и богатство форм. В этом поэте, вне всякого сомнения, развивается первый талант — как поэт Пушкин превыше всех своих современников приблизился к уровню Гёте: к характерному для него объективному способу повествования, в котором гармоничные характеристики отдельных частей обрисовываются совершенно. <...> Из завершенного и вышедшего уже после его смерти, наряду с несколькими небольшими лирическими шедеврами, мы бы хотели выделить одну поэму — «Медный всадник», драматический эпизод о петербургском наводнении 1824 года, и повесть в прозе «Капитанская дочка». <...> Я бы выделил также отрывок под названием «Египетские ночи». Его начало — проекция поэмы, набросанная рукой мастера. Теперь уже только по этим наброскам можно измерить, какую потерю понесла русская литература со смертью Пушкина, и увидеть, насколько необоснованными были опасения тех, кто вообразил, будто поэт «пережил себя», ведь он только-только перешел на новый уровень.¹¹

Доброжелательное отношение Толди и Казинци к Пушкину и русской литературе тем более примечательно, что венгерское общественное мнение в середине XIX в. начинает, в целом, восприни-

⁹ Toldi F. A moszka literatúra jelen állapota // Tudománytár. 1834. Köt. 4. P. 65—72.

¹⁰ Знакомство с русской литературой через немецкие источники было характерно для венгерской культуры не только в XIX в., но и в первой половине XX в. — большинство первых переводов текстов русских авторов на венгерский также были вторичными переводами с немецкого.

¹¹ Kazinczy G. Pillantás az orosz literatúrára 1837-ben // Tudománytár. 1838. Köt. 2. P. 301—305.

мать Россию довольно враждебно. Участие русской армии в подавлении венгерского восстания 1848—1849 гг. также не способствовало увеличению популярности всего русского на венгерской почве. Крупнейшие представители венгерской литературы — Янош Арань и Янош Вайда (1827—1897) — призывали не отождествлять выдающихся русских писателей с царской властью, и даже яростный критик российской политики, выдающийся прозаик Мор Йокаи (1825—1904) признавал наличие у русских «огромной литературы». ¹² Пафос борьбы за национальную идентичность в литературе объяснял и стремление ведущих венгерских авторов рассматривать произведения русских писателей в первую очередь с точки зрения их национальной специфики и критики политического устройства. Тот же Арань, внимательно следивший за деятельностью Пушкина, подчеркивал именно фольклорную составляющую его творчества, а роман «Евгений Онегин» выделял скорее как «модернизированный эпос с примесью романтики». ¹³

Помимо критических замечок о русской литературе в конце 1830-х гг. начинают выходить и ее переводы (в основном с немецкого языка). В 1839 г. была опубликована повесть Пушкина «Выстрел» — в венгерском переводе она называлась «Сильвио». ¹⁴ Фамилия автора указана не была, да и сам перевод был выполнен с большими искажениями. Несколько лет спустя, в 1844 г., эта же повесть, уже под названием «Выстрел» и с именем автора, выходит в журнале «Regélő Pesti Divatlap».

В 1850-е гг. интерес к русской литературе в венгерском обществе несколько возрастает — во многом этому способствовала публикация в газете «Budapesti Hírlap» по материалам изданной в 1851 г. на немецком языке книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» ¹⁵ и активная деятельность И. С. Тургенева по популяризации русской культуры (можно предположить, что информация, исходившая от русских писателей, вынужденных, подобно

¹² Йокаи был хорошо знаком с творчеством Пушкина: опубликованная в 1864 г. в журнале «Фэвароши лапок» «Капитанская дочка», по мнению исследователей Ласло Форгача и Яноша Варади-Штернберга, во многом подтолкнула Йокай к написанию повести о Пугачеве «Дерзновенный» («A vakmerő»; 1864). Подробнее см.: Váradi-Sternberg János: Jókai és Pügcsov // Irodalomtörténeti Közlemények. 1975. LXXIX. évf. № 3. P. 334—340. Йокаи также посвятил Пушкину и декабристам свой роман «Свобода под снегом» (1881).

¹³ Arany J. Szerkesztői üzenet. Koszori, 1863 (цит. по: Zöldhelyi Z. Az orosz irodalom magyar fogadtatása a XIX. században // Bevezetés a XIX. századi orosz irodalom történetébe I. Szerk Kroó Katalin. Budapest, 2006. P. 833.

¹⁴ Nemzeti Társalkodó, 1839. Köt. 2, № 4. P. 28—32.

¹⁵ Orosz irodalom // Budapesti Hírlap. 1855. Április. 13—14.

многим участникам венгерской освободительной борьбы, покинуть родину по политическим причинам, казалась венгерскому читателю более убедительной и достоверной, нежели новости непосредственно из России).

В 1855 г. выходит перевод «Пиковой дамы»,¹⁶ а в 1857 г. — повесть «Метель».¹⁷ Примечательно, что оба произведения были напечатаны в женских журналах («Divatcsarnok» — «Модная зала» и «Nővilág» — «Женский мир»). Однако, несмотря на восхищенные отзывы и постоянные отсылки к стихотворным текстам Пушкина (главным образом поэмам и роману «Евгений Онегин» — то есть стихотворным произведениям крупной формы, а не к отдельным стихотворениям), переводами его поэзии в Венгрии начинают по-настоящему заниматься лишь с 1860-х гг. По мнению Жужи Зёльдхеи, важную роль в этом процессе сыграли поэтические переводы Пушкина на немецкий, выполненные членом Мюнхенского кружка поэтов Фридрихом Боденштедтом (1819—1892), — именно они вдохновили бывшего секретаря Иштвана Сечени и члена литературного кружка Петёфи Кароя Берци (1821—1867) на перевод «Евгения Онегина»: Берци начал переводить роман с немецкого, но затем выучил русский и дальше работал уже с оригиналом, хотя и продолжал сверять свой перевод с немецким. Первый венгерский перевод романа был издан Обществом Кишфалуди в 1866 г., всего лишь несколько лет спустя после окончания действия «системы Баха»,¹⁸ когда в памяти старшего поколения еще живы были воспоминания о крахе освободительной борьбы.

Перевод Берци имел огромный успех, выдержав с 1866 по 1952 г. 21 издание. Современник Берци критик и автор цикла стихотворных романов о графе Ромхани (1869—1872) Пал Дюлаи (1826—1909) видел главное доказательство верности этого перевода в его поразительной простоте. Справедливо упрекая первого переводчика «Онегина» в некотором злоупотреблении романтическими и сентиментальными элементами, современные венгерские исследователи достаточно высоко оценивают работу Берци, даже с учетом того, что переводной текст всегда устаревает быстрее ори-

¹⁶ *Puskin A. A pikk dáma // Divatcsarnok. 1855. № 24—27 (перевод Дёрдя Урхази).*

¹⁷ *Puskin A. A hóföreteteg // Nővilág. 1857. № 42. P. 657—666 (перевод Ласло Латора).*

¹⁸ Гражданская администрация, учрежденная австрийским министром внутренних дел Александром фон Бахом и действовавшая на территории Венгрии с 1849 по 1859 г., — период жесткой цензуры и ограничения любых национальных проявлений.

гинала, и отмечают «свежесть» восприятия текста переводчиком, ведь первый перевод «Онегина» отделяло от оригинала всего 30 лет.¹⁹ Многие строки из перевода вошли в венгерский литературный язык, а сам роман, наряду с байроновским «Чайльд Гарольдом», стал основой для появления в венгерской литературе нового жанра — романа в стихах.²⁰ В созданных под влиянием венгерского «Онегина» произведениях Ласло Араня, Дюлы Ревидки, Пала Дюлаи авторы прямо указывают на связь своих героев с Онегиным²¹ и, вслед за Пушкиным, соединяют эпическое повествование с самыми разными видами лирики.

Одновременно с переводом Берци, в 1866 г., благодаря усилиям братьев Зилахи²² выходит антология русской поэзии «Северный свет» («Eszaki fény»), в которую вошли не только стихи Пушкина, но и трагедия «Борис Годунов». Несмотря на то что с конца 1860-х гг. русскую литературу все чаще начинают переводить с оригиналов, а не с немецких переводов,²³ в выборе произведений переводчики и составители продолжают ориентироваться на немецкие сборники. Одним из первых, кто стал отбирать авторов и произведения самостоятельно, стал Ласло Чопей (1856—1934) — в его сборник «Русские повести»²⁴ вошла в том числе и повесть Пушкина «Метель».

¹⁹ Исследователь творчества Пушкина и его переводов на венгерский язык Михай Петер называет перевод Берци «шедевром», несмотря на все его объективные недостатки (см.: Péter M. «Pár tarka fejezet csupán...»: Puskin «Jevgenyij Anyegin»-je a magyar fordítások tükrében. Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999).

²⁰ Подробно о влиянии «Евгения Онегина» на развитие жанра см.: László I. A magyar verses regény. Budapest, 1990.

²¹ Следует заметить, что в венгерском восприятии Онегин стал скорее отрицательным персонажем — отчасти причиной этого послужил и перевод Берци, в котором были опущены или проигнорированы некоторые важные характеристики главного героя романа. Венгерская литературная критика долгое время рассматривала Онегина исключительно как тип «лишнего человека» — на это указывают в своих работах М. Петер, Ж. Зёльдхей и др.

²² Карой (1838—1864) и Имре (1845—1867) Зилахи — журналисты, писатели, переводчики.

²³ Традиция вторичного перевода с немецкого или знакомства с русской литературой в немецких переводах сохраняется и в первой трети XX в. — особенно в отношении драматургии: пьесы А. П. Чехова и М. Горького чаще переводились именно с немецкого; традиция эта оказалась настолько сильной, что даже с появлением новых переводов, выполненных уже с оригинала в конце XX — начале XXI в., названия отдельных произведений сохраняют отсылку к переводам с немецкого (так, «На дне» Горького даже в новом переводе 2014 г. по-прежнему называется «Ночное убежище»).

²⁴ Csopely L. Orosz beszélek. Írták Puskin S., Gogoly M., Krylov I. és Dosztojevskij F. Budapest, 1882.

Новым этапом в восприятии творчества Пушкина в Венгрии стали переводы и статьи о «первом русском национальном поэте» члена кружка Петёфи, поэта и переводчика, одного из представителей первого поколения журнала «Nyugat»²⁵ Эндре Сабо (1849—1924). Русин по национальности, Сабо хорошо владел русским языком и активно популяризировал русскую литературу. В отличие от своих предшественников, не столь активно связанных с Россией, Сабо бывал в Петербурге и Киеве, общался со Львом Толстым (в связи с переводом на венгерский «Войны и мира») и регулярно консультировался с О. Н. Чюминой и Н. Н. Бахтиным. Два подготовленных им сборника — «Русские поэты» (1892)²⁶ и «Четыре русских поэта» (1900)²⁷ — представили венгерской публике ранее не известные ей имена (Рылеев, Крылов, А. К. Толстой) и новые переводы из Пушкина и Лермонтова. В год столетия со дня рождения Пушкина в переводе Сабо вышел «Разговор книгопродавца с поэтом».²⁸ Цикл статей Сабо «Картины русской литературы», опубликованный в журнале «Nyugat» (1922. № 15—16), демонстрирует новый уровень восприятия русской литературы, ключевой фигурой которой у Сабо становится именно Пушкин: «Никто не может отрицать, что именно пушкинские “Капитанская дочка”, “Граф Нулин”, “Цыганы”, “Арап Петра Великого” и, в особенности, “Евгений Онегин” — самые что ни на есть натуралистические концепции; его безусловная заслуга состоит в том, что он освободил русскую литературу от бремени ложного классицизма, а Гоголь пошел дальше по уже открытой Пушкиным тропе. Таким образом, Пушкин сформировал эпоху».²⁹

К концу XIX — началу XX в. для Венгрии Пушкин становится частью европейского литературного канона. Свидетельства этому можно обнаружить в творчестве многих поэтов и писателей того времени, в первую очередь авторов журнала «Nyugat». На столетие со дня рождения «главного русского поэта», которое в 1899 г. широко отмечалось не только в России, но и в Европе, откликнулась

²⁵ «Nyugat» («Запад») — венгерский литературный и критический журнал (1908—1941) — объединил вокруг себя несколько поколений крупнейших венгерских прозаиков, поэтов и критиков; авторы журнала активно знакомили венгерскую публику не только с новой венгерской литературой, но и с достижениями европейской и мировой культуры.

²⁶ Orosz költők. (Műfordítások.) Budapest, 1892.

²⁷ Négy orosz költő. Budapest, 1900.

²⁸ Puskin. A könyvárús és a költő // A Hét. Budapest, 1899. (Любопытно, что Эндре Сабо опубликовал этот перевод под псевдонимом «Граф Нулин».)

²⁹ Szabó E. Képek az orosz irodalomból. II // Nyugat. 1922. № 15—16.

один из самых выдающихся поэтов Венгрии этого периода Эндре Ади (1877—1919). И если стихотворение «Пушкин», опубликованное в газете «Debrecen» 17 июля 1899 г. с эпиграфом: «В России один путевый чиновник запретил подчиненным праздновать день рождения Пушкина, сославшись на то, что Пушкин — не пу-теец», — скорее, рассуждение о судьбе поэта и вечном противостоянии гения и толпы:

Dicső poéta, büszke lélek,
Tudsz-e mirőlunk valamit?...
Óhajtod-e megtudni vajjon,
E hitvány földön mi van itt?...
Magsajnálsz-e néha bennünket,
Kik küzdünk, bizunk s álmodunk
S a dicsőségről álmodozva
Életet, lelket áldozunk.

Tudod-e, hogy a költő sorsa
— Mi régen volt — még mindig az —
Hiába gyújt fel égi lángot,
Leroskad, elvész az igaz.
Gúny, megvetés az osztaléka,
Lenézi minden kis parány,
Vegetáló, tucat-emberhad
Írlygi rongyát is talán!³⁰

Питомец бурь, поэт мятежный,
Ответь, ты не забыл про нас?
Быть может, ты желаешь видеть
Все наши беды без прикрас?
Жалеешь ли ты нас порою,
Как мы растрчиваем пыл
И души гневные возносим
К высотам сфер, где ты почил.

Ты знаешь, что судьба поэта
— Так прежде было — и теперь
Игрушка жалкая для света,
Тернистый путь, юдоль потерь.
Нас унижают, презирая,
Те, кто не в силах нас понять,
И гаснет вновь огонь небесный,
Чтобы вовек не воссиять!³¹ —

то напечатанное там же месяц спустя стихотворение «Татьяна писала...» — это уже личное признание, лирическая переключка с Пушкиным:

Tünedező alkonyvilágnál
Olvasgatom a levelet...
Tatjana sír, sirat egy titkot,
Egy vágyat, amely elveszett.
Úgy fáj nekem az, amit ő ír,
Könnyre az én szivemre hull...
...És mégis, mégis levelének
Ujjongok mondhatatlanul...

Kis levelét kibontom százszor...
Tatjana sír, gúnytól remeg...

Под сенью сумерек вечерних
Ее письмо читаю вновь...
Татьяна плачет, отпуская
Свою несчастную любовь.
Скорблю я над ее судьбою,
Ее слеза ладонь мне жжет...
...И все ж израненное сердце
Мое ликует и поет.

Я сотни раз письмо вскрываю...
Татьяна плачет, душу рвет...

³⁰ *Ady E. Puskin // Debrecen. 1899. 17 júl.*

³¹ Перевод Дарьи Анисимовой.

Óh, kinyilott szűz leányálom,
Mennyivel tartozom neked!...
Tatjana sír... Van még Tatjana,
Rajongó lelkű, hóféhér,
Aki szeret félőn, titokban,
Ki szeret — a szerelemért.³²

К тебе, невинный чистый ангел,
Я устремляю свой полет!..
Татьяна плачет... О Татьяна,
Возможно ли отважней быть,
Отчаянно и потаенно,
Татьяна любит — чтоб любить.³³

Литературоведы начала XX в. все чаще называют Пушкина одним из зарубежных авторов, в наибольшей степени повлиявших на формирование венгерской литературы. Характерную для того времени точку зрения высказывает в статье «Русские в Венгрии» ведущий литературный критик, организатор венгерского ПЕН-клуба Аладар Шёпфлин (1872—1950).³⁴

Действительно, всех, кто читал рассказы Гоголя и Тургенева, романы Гончарова, пушкинского «Онегина», периодически потрясало поразительное сходство, которое демонстрируют встречающиеся в них картины, характеры, настроение, с венгерскими картинами, настроениями и характерами?.. Никогда ни в одной другой национальной литературе не находим мы столько совпадающих с венгерскими элементов, как в русской. <...> Вряд ли можно назвать случайностью то, что русскую литературу открыл у нас самый укорененный в венгерской культуре поэт — Янош Арань: он первым указал на Гоголя и Тургенева, из его круга вышел самый прекрасный и самый читаемый венгерский перевод: «Онегин» Кароя Берци. <...> Если у нас когда-нибудь будет — а пока ее нет — филологическая наука, способная видеть собственными глазами, думать своей головой и задавать новые вопросы, выходя за рамки немецких диссертаций, то в качестве самого сильного влияния на венгерских писателей за последние сорок лет она выделит русских, и в особенности Тургенева и Пушкина.³⁵

Еще одним горячим поклонником пушкинского творчества был писатель Дюла Круди (1878—1933). В одном из самых известных его романов — «Красный почтовый дилижанс» (1913), эпиграфом к которому послужила строфа из «Евгения Онегина», — это произведение Пушкина играет ключевую роль в «воспитании чувств» главного героя — alter ego писателя, Казмера Резеды:

³² *Ady E.* Tatjana írt // Debrecen. 1899. 30 aug.

³³ Перевод Дарьи Анисимовой.

³⁴ Статья была напечатана в газете «Pesti Napló» без указания имени автора.

³⁵ *Oroszok Magyarországon* // Pesti Napló. 1912. № 60. 10 márc. P. 36.

Как-то раз вечный скиталец господин Резеда познакомился с Бертой — молодой женой ветеринарного врача <...>. Вечером Берта передала через окно господину Резеде небольшую книжечку в сафьяновом переплете (во рту у нее в эту минуту дымилась тонкая сигарета с золотистым кончиком). Называлась книга «Евгений Онегин». Прошло несколько дней, но студент даже не заглянул в нее — все его время было посвящено написанию собственного завещания <...>. На третий день, валяясь в постели, Резеда наконец раскрыл книгу и, прочтя в биографии автора (на первой странице), что Пушкина застрелил на дуэли красавец-офицер, с интересом обратился к поэме, которая обещала оказаться довольно длинной.

Онегин! Наверное, только ради того, чтобы вновь впервые прочесть «Евгения Онегина», сидя в заброшенном парке на скамье, изрезанной сердечками и женскими инициалами, стоило бы снова стать юным школьником! Мчаться в Москву, рукоплескать балеринам, получить письмо от Татьяны и гулять по набережным Невы! Все мы в юности бываем Евгениями Онегинными. А кто из нас не плакал над печальным надгробием Ленского?

Берта сделала прекрасный выбор. Чтение «Онегина» немедленно открыло перед господином Резедой чудеса нового мира: он решил, что выберет себе цель в жизни, станет поэтом, журналистом, Александром Пушкиным — и все это за одну ночь, пока с горящим челом и сердцем, выскакивающим из груди, вбирал в себя звучные строки русского поэта. На другой день, прогуливаясь в сторону старого кладбища, господин Резеда смело схватил руку Берты в желтой перчатке. Глаза его наполнились слезами.

— Татьяна! — произнес он.

Женщина провела рукой по увлажнившимся глазам Резеды.

— Я рада, что пробудила вас, сын мой, но не стоит «и жить торопиться, и чувствовать спешить...» Погодите. Вечером вы найдете на подоконнике новую книгу и познакомитесь с новым чудесным миром.

— Я люблю вас.

— Так, значит, любить, завоевывать, блистать храбростью вы тоже научились у Онегина? — с улыбкой спросила женщина. — О, вы прекрасный ученик...³⁶

В своих более поздних текстах, в частности в предисловии к изданию «Евгения Онегина» 1920 г. «Столетний Онегин», Круди

³⁶ Цитата приводится по изданию Венгерской электронной библиотеки: *Krúdy G. A Vörös postakocsi*. Budapest, 2005 [1913] — <http://mek.oszk.hu/04800/04828/html/> (дата обращения 02.03.2016).

практически дословно повторяет восторженные строки из «Красного почтового дилижанса»; роман Пушкина, по признанию писателя, «заставляет забыть печаль и пустоту будней».³⁷

На фоне общего охлаждения к русской культуре в связи с событиями Первой мировой войны, в которой Венгрия воевала на стороне Германии, а затем и откровенно антироссийской риторики после разгрома Венгерской Советской республики 1919 г.³⁸ Пушкин оставался одним из немногих представителей русской литературы, чье творчество по-прежнему привлекало к себе внимание венгерских писателей и поэтов. Чествование столетия со дня смерти Пушкина в 1937 г. сопровождалось многочисленными публикациями. Представители самых разных литературных школ и направлений признавались в любви к русскому поэту, подчеркивая те стороны его творчества, которые были им наиболее близки. Так, один из лидеров «народных писателей» Дюла Ийеш (1902–1983) подчеркивает свободолюбивый характер творчества Пушкина, который, по его мнению, воплощает собой дух борьбы за волю и прогресс против азиатского боярского государства и выступающей в роли жандарма православной церкви:

Пушкин принадлежит к тем немногим иноязычным поэтам, которых можно называть по-венгерски без указания имени, только по фамилии <...>. «Онегин» одним махом вошел в венгерскую литературу, стал ее частью, повлиял на нее, породил в ней новое настроение и даже вызвал к жизни новые произведения <...>. «Онегин» и вся поэзия Пушкина (насколько я могу судить) — удачное сочетание истинно западной и истинно национальной атмосферы.³⁹

Главный редактор журнала «Nyugat», непререкаемый авторитет в области современной ему венгерской и мировой литературы, poeta doctus (ученый поэт) и, в отличие от «народных писателей», последовательный «западник» Михай Бабич (1883–1941) в своей «Истории европейской литературы» (1936) уделяет Пушкину особое место. В главе «Поколение Байрона» он подробно останавливается на обстоятельствах жизни поэта и отмечает глубину, богатство и поэтичность пушкинской лирики, отдавая ей предпочтение перед «декларативной и позерской» поэзией Байрона. Разбирая «Цы-

³⁷ *Pushkin A. Anyegin. Budapest: Genius Könyvkiadó Rt., 1920. P. 1.*

³⁸ Советская Россия поддержала провозглашение Советской республики в Венгрии, а затем приняла к себе большое количество политических эмигрантов.

³⁹ *Illyés G. Puskin // Nyugat. 1937. № 3.*

ган», Бабич пишет: «Пушкин не анализирует, он цитирует судьбу и высекает из камня. Из одного куска скалы, как Софокл». ⁴⁰ Отмечая особую способность русской души «замечать мельчайшие факты и препарировать самое себя», ⁴¹ Михай Бабич, как и большинство его современников, считал, что для венгерской литературы главным «пушкинским впечатлением» стал роман «Евгений Онегин», однако был хорошо знаком и с другими произведениями русского гения. В речи, прочитанной для литературного общества Лафонтена в 1937 г., Бабич признается:

Его поэзия стала частью нашей души, словно поэзия великого венгерского поэта. Он поэт нашей молодости: вспоминая его, мы будто вспоминаем юность и весну. <...> Мы видим в нем не устаревшего романтика со страниц учебника литературы <...> Он нам родной. <...> «Онегин» для меня — первый русский роман, сохраняющий при этом истинную лиричность, сладкую и печальную волшебную поэтичность. Я хорошо знаю, что «Онегин» — это еще не весь Пушкин. Более того, этот роман, возможно, не самая высокая вершина в горной цепи его шедевров. <...> Повести, драмы и огромное лирическое наследие, о котором те, кто может читать его в оригинале, говорят, что музыкальнее его нет во всей мировой литературе. Допускаю, что воспринимать Пушкина только через призму «Онегина» несправедливо. ⁴²

Любопытно, что представители столь разных литературных направлений — почвенник Ййеш и западник Бабич — оба подчеркивают африканские корни русского поэта, видя в них причину его горячей и страстной поэтической природы.

В конце 1930-х гг. (на очень короткий период) в официальной культурной политике Венгрии, в основе которой лежало стремление «не замечать» Советский Союз, наметился некоторый сдвиг, и выдающийся венгерский филолог Геден Месей (1880—1960) начал работу над новым переводом «Евгения Онегина» ⁴³ и получил до-

⁴⁰ *Babits M. Az európai irodalom története.* Budapest, 1936. P. 190.

⁴¹ *Ibid.* P. 206.

⁴² *Babits M. Puskin: [Beszéd] // Kortárs.* 1973. 11 nov. P. 1820—1822.

⁴³ По мнению Михая Петера, проблемой этого перевода стала ориентация на стилистические принципы «национального классицизма», разработанные Яношем Аранем (см. выше), и игнорирование факторов формирования современного русского литературного языка, синтеза традиционных и западноевропейских элементов (*Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd.* Tinta Kiadó, 2005. P. 173—182).

ступ к нескольким работам, вышедшим в связи с празднованием столетия со дня смерти Пушкина в 1937 г. на русском языке. Перевод Месёя вышел в 1945 г., когда русско-венгерские литературные связи вступили в новую фазу, однако широкого распространения не получил.

Возвращаясь к началу сороковых годов, стоит отметить, что в очередной фундаментальной «Истории мировой литературы» (1941) ее автор, один из талантливейших прозаиков межвоенного периода, впоследствии трагически погибший Антал Серб (1901—1945), отмечая роль Пушкина как «моста между тремя эпохами русской литературы: рококо, романтикой и реализмом»,⁴⁴ выделяет в качестве достижения мирового уровня лишь «Евгения Онегина», упоминая остальные произведения (из них — лишь ранние стихи, «Кавказского пленника» и «Цыган») как тексты «местного значения».⁴⁵ Столь большую популярность «Онегина» среди венгров Серб объясняет близостью миров больших аристократических поместий и необычной для большинства европейских литератур центральной женской фигурой: Татьяна первой признается в любви мужчине, и это, по мнению Серба, демонстрирует «изначально реалистический взгляд русских, не связанных традицией рыцарства и Петрарки, согласно которой мужчина добивается любви, а женщина сопротивляется».⁴⁶

После окончания Второй мировой войны и радикального изменения политической ситуации в Венгрии поменялась и государственная литературная политика. Ориентация на Москву означала резкое увеличение переводов с русского языка. Помимо идеологически «правильных» авторов и огромного количества второсортных текстов на венгерский язык начинают активно переводить и русскую классику, заполняя пробелы, возникшие за предыдущие десятилетия. Потребовались и новые переводы уже существовавших на венгерском произведений.

В 1949 г., в год 150-летия со дня рождения поэта, на официальном мероприятии в честь этого события первый перевод Берци был заклеен как «искажение» Пушкина, попытка «сделать маникюр льву». Вскоре «Новое венгерское издательство» объявило конкурс на новый перевод «Онегина». Победителем этого конкурса стал Лайош Априли (1887—1967), чей труд был опубликован в 1953 г. Как отмечает Михай Петер, Априли сумел вывести пере-

⁴⁴ Szerb A. A világirodalom története. III. Révai. Budapest, 1941. P. 55.

⁴⁵ Ibid. P. 56.

⁴⁶ Ibid.

вод Пушкина на новый для венгерского языка уровень, но при этом уважительно отзывался и о Берци как о своем предшественнике.⁴⁷

Войдя в школьную программу и идеологически одобренный канон зарубежной литературы, произведения Пушкина стали предметом множества исследований. Работы конца 1940-х — начала 1950-х гг. при всей их обстоятельности нередко носили крайне политизированный характер и вместо серьезного анализа превращали Пушкина чуть ли не в главный источник реализма в венгерской литературе.⁴⁸ Однако в дальнейшем, начиная с середины 1950-х гг., венгерская пушкиниана становится менее идеологизированной и более разносторонней.

Постепенно были переведены на венгерский язык и практически все произведения Пушкина. К нему обращались крупнейшие поэты эпохи — Лёринц Сабо (1900—1957), Шандор Вэреш (1913—1989) и др. Количество переводов, выполненных за последние полвека, столь велико, что одно их перечисление заняло бы несколько страниц, поэтому нам представляется важным остановиться лишь на нескольких, точнее, на личности одного переводчика, чьи тексты получили самую высокую оценку большинства современных венгерских литературоведов, — Арпада Галгоци (р. 1928). Именно ему, среди прочего, принадлежит последний из существующих перевод «Евгения Онегина» (1992). Галгоци не был профессиональным филологом и русский язык выучил в сибирском лагере, куда попал еще подростком. Перевод Пушкина стал для него своеобразным способом выживания. Его вариант «Евгения Онегина» вышел в серии книг для старших школьников издательства «*Matúra klasszikusok*» в 1992 г. — в момент, когда преподавание русского языка и литературы в венгерских школах стало сходить на нет, однако именно этот роман Пушкина остался в программе и по сей день. О качестве переводов Галгоци можно убедиться на примере его работы с текстом поэмы «Медный всадник» (1998). Если двое его предшественников — Дёрдь Радо и Иштван Кормош — в своих переводах (1949 и 1964 соответственно) использовали слово *bronz* — словарный эквивалент прилагательного «медный», то Арпад Галгоци выбирает вариант *réz*, поскольку в венгерском языке именно это слово фигурирует как составляющая слов, используемых в сказках; кроме того, пушкинский «медный лоб» как калька с французского *front*

⁴⁷ Péter M. Az Anyegin legújabb magyar fordítása. P. 176.

⁴⁸ См., например, статью: Máthé-Haupt G. Puskin hatása a magyar társadalmi gondolkodás és irodalom fejlődésére a XIX. század második felében // Irodalomtörténet. 1949. № 1. P. 59–76.

d'airain хорошо переводится на венгерский как *rézhomlok*. Таким образом, ирреальная коннотация очень подходит для описания инфернального памятника.⁴⁹

Если на протяжении последних десятилетий XX в. «главными русскими» писателями для венгерской культуры являлись скорее Чехов и Достоевский, а Пушкин несколько отошел на второй план, то появление новых переводов Арпада Галгоци, Иштвана Баки и др. в 1990-х гг. стимулировало возрождение интереса к творчеству «первого национального поэта русских». Самыми интересными, на наш взгляд, явлениями стали стихотворные переложения пушкинской прозы на венгерский язык онегинской строфой Иштвана Гати (р. 1979) и возрождение венгерского романа в стихах в творчестве поэта и драматурга Яноша Терей (р. 1970).

В первом случае речь идет о жанровом переосмыслении прозаических текстов — «Станционный смотритель», «Гробовщик», «Пиковая дама». Проанализировав существующие переводы «Онегина», Иштван Гати создал новые стихотворные произведения на основе уже переведенной на венгерский прозы. Тот факт, что у читателя «возникает ощущение, будто перед ним повествовательный поэтический текст венгерского автора XIX в.»,⁵⁰ лишний раз подчеркивает силу традиции стихотворного нарратива, воспринятой венграми в XIX в., во многом через творчество Пушкина. Ироничное обыгрывание пушкинских текстов с использованием уже знакомых венгерскому читателю переводческих решений Априли и Галгоци сообщает «переводам» Гати особое очарование: так, например, в лирическом вступлении к «Станционному смотрителю» «дядя самых честных правил» превращается в «славную тетушку», любительницу сладостей и обладательницу поразительного для своих восьмидесяти лет здоровья.

Романы и повести в стихах Яноша Терей — «Павел» (2001), «Протокол» (2010), «Пешком через Будапешт» (2014), «Самый малый ледниковый период» (2015), а также стихотворные драмы — цикл «Жилой квартал “Нибелунги”» (2004) и «Ресторанная музыка» (2008) открывают новые возможности стихотворного нарратива в начале XXI в. По признанию самого автора, он стремится вдохнуть новую жизнь в жанр романа в стихах, поднять при-

⁴⁹ Подробнее сравнительный разбор трех переводов см. в статье М. Петера: Péter M. A Puskin Rézlovasnak új magyar fordítása // Péter M. Nyelv, stílus, költői beszéd. P. 196–201.

⁵⁰ Szóke K. Puskin: A postamester — Anyegin-strófákban elbeszélve // Kortárs. 2011. № 6. P. 24.

вечную современному человеку повседневность до уровня высокой поэзии. Онегинская строфа является для него самой естественной формой выражения и одновременно позволяет заставить читателя острее реагировать на самые болезненные вопросы современной жизни. Критик Гергей Андялоши в статье о романе «Павел» подчеркивает генетическую связь текста Тереи с пушкинским романом: «...основой связи с “Онегиным” становится романтическое мировоззрение, которое уже и у Пушкина местами обретает ироническую интонацию».⁵¹ Другой критик, Иштван Маргочи, назвавший «Павел» «выдающимся Gesamtkunstwerk-ом венгерской постмодернистской литературы»,⁵² прямо указывает на то, что Тереи «проводит эксперимент — совершенно особым образом, опираясь на разнообразие нескольких отличных переводов, переписывает пушкинского “Онегина” сегодня, с сегодняшним взглядом, приспособив его к современным отношениям <...>, и даже сохраняя стихотворную форму».⁵³

Пушкинское наследие присутствует в произведениях Яноша Тереи не только как форма и подход, но и непосредственно в виде пушкинского текста: в 2002 г. в его переводе в Будапеште был поставлен «Борис Годунов» (перевод выполнен совместно с Аннамариёй Раднаи), а эпиграфом к последнему роману «Самый маленький ледниковый период» послужила песня Вальсингама из «Пира во время чумы».

Примеры Иштвана Гати и Яноша Тереи, на наш взгляд, свидетельствуют о сохранении в венгерской литературе живой и продуктивной традиции осмысления творчества Пушкина.

⁵¹ *Angyalosi G. Kaszálni Páli réteken. Terey János: Paulus // Holmi. 2002. № 9. P. 1125–1129.*

⁵² *Margocsy I. Terey János: Paulus // 2000 (Budapest). 2002. № 1. P. 1225.*

⁵³ *Ibid.*